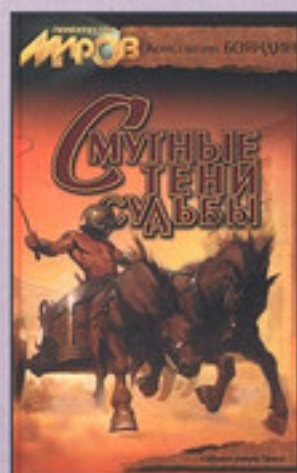

Константин Бояндин

Привкус древности

*Часть сборника
Смутные тени судьбы (сборник)*

Ралион

Константин Бояндин
Привкус древности

«Автор»

2000

Бояндин К. Ю.

Привкус древности / К. Ю. Бояндин — «Автор», 2000 — (Ралион)

ISBN 978-5-457-12274-1

«Тусклый рассвет. Когда солнце не показывается из-за заставшей небо серой паутины до полудня, когда голова ноет и кажется налитой свинцом, когда осознаёшь, что день выдался неудачным, ещё не начавшись... Всё тусклое. Весь этот проклятый, никчемный мир...»

ISBN 978-5-457-12274-1

© Бояндин К. Ю., 2000

© Автор, 2000

Константин Бояндин

Привкус древности

Тусклый рассвет.

Когда солнце не показывается из-за застлавшей небо серой паутины до полудня, когда голова ноет и кажется налитой свинцом, когда осознаёшь, что день выдался неудачным, ещё не начавшись...

Всё тусклое. Весь этот проклятый, никчемный мир.

Феддервел попытался подняться на ноги и охнул. Хотел было выругаться, но тогда, неминуемо, проснётся жена. А сейчас ему только её ворчания недостаёт. Впрочем, это было бы достойным дополнением к такому пробуждению.

Трактирщик в шестом поколении, Феддервел Меттальский, содержатель некогда знаменитого на сотни миль вокруг трактира, осознал вдруг, что за несколько минут, прошедших с того момента, как он с трудом разомкнул глаза, прошла целая жизнь.

Время проходит скачками. И уносится прочь одним незаметным движением. Вот как сейчас – проснулся и понял, что жизнь, по сути, прошла мимо. Неважно, что волосы его ещё не седы – какая седина в каких-то шестьдесят лет?! – что он не разорился, хотя всё к тому шло, что не поздно ещё покинуть забытый богами Меттал и обосноваться там, где трактиры не пустуют две трети суток.

Феддервел с трудом спустился по скрипучей лестнице (наступая, понятное дело, тык, чтобы скрипу было поменьше) и долго, ожесточённо умывался в ледяной воде, словно вода смогла бы смыть тайком подкравшуюся старость.

Старость – это не когда требуется клюка, чтобы передвигаться, и во рту недостаёт большинства зубов.

Старость – это когда недостаточно смелости, чтобы бросить вызов судьбе и начать сначала. Не трястись над скудными крохами, оставшимися от последних неудач. Вот оно что.

От этого откровения Феддервел посерел. Мысль была простой и убийственно верной. Ты постарел, Феддервел. Всё, что ты можешь теперь – жаловаться на превратности судьбы кувшину с вином. Потому что всем остальным собеседникам ты уже осточертел.

Тусклый рассвет. Тусклый день. Феддервел некоторое время боролся с малодушием, но, в конце концов, малодушие победило. Как и прежде.

Он побрёл вниз, в главное помещение трактира. Где, как и вчера, появится не более одного-двух случайных посетителей.

Снова напьюсь, подумал он с какой-то мстительной радостью. Словно мог наказать этим кого-то, кроме себя.

В винный погреб вели надёжные, каменные ступени и дверь открылась, не скрипнув.

Пока он тихонько искал в просторном погребе не слишком дорогое, но и не чрезмерно мерзкое вино (у всякого трактирщика всегда должны быть запасы и того, и другого), на глаза ему попала уже сто лет лежавшая здесь же жестяная баночка.

Одним богам ведомо, что в ней.

Повинуясь какому-то невнятному чувству, Феддервел схватил и кувшинчик, и баночку, и поспешил наверх. Пора отпирать двери. Никто, конечно, не почтит трактир своим присутствием, но обычай есть обычай.

* * *

Некогда трактир этот, «Караван» (накажите, боги, моих предков за столь скудную фантазию), был одним из немногих пристойных заведений подобного рода, что были рады

предоставить тепло и уют многочисленным торговцам, движущимся на север, вглубь материка, или на юг, в сторону порта. Но теперь, когда всех желающих развозят многочисленные ковры– и поезда-самолёты, быстрые, бесшумные и требующие намного меньше ухода, нежели кони и их собратья по призванию...

Жизнь прошла стороной. Что называется – не повезло. Проклятие на тех, кто полагает, что все последующие поколения должны тянуть ту же лямку. Нет в мире ничего неизменного. Был этот тракт мечтою любого трактирщика – и сплыл. Нет его. Никому не нужен. А чем ещё привлечь сюда приезжих?

Только что его, Феддервала, колодцем. Древним, ему не менее трёх веков. Вода в нём никогда не портится, всегда холодна, вкусна и, как говорят, полезна тем, у кого пошаливают суставы. Не какая-нибудь там водоносная колючка и прочие нововведения. Всё по старинке, на совесть.

По старинке. Феддервел повторил эти слова мысленно, и едва не расплакался. Из благословения этот трактир превратился в проклятие. Нечасто живёшь так, чтобы своими глазами наблюдать, как рушится привычный и вполне сносный мир.

Кончится тем, что дети, как и намеревались, разъедутся. Младший, сын, уйдёт в матросы, как и хотел. Для дочери же жена его тоже присмотрела удачную партию. И тоже не в Меттале. И никому из них троих не нужен этот Меттал.

А мне он нужен? – подумал неожиданно Феддервел. Что меня здесь держит? Могилы предков? Но чем могут помочь родственные кости? Я и так пожертвовал всем, чем мог. Скоро, если неостанет сил бросить этот покрывшийся пылью трактир, пожертвую и последним – семьёй. Где же награда за всё это? Где справедливость? Где?..

Он осёкся. Обнаружил, что, пока ум его был поглощён бескрайней жалостью к собственным невздам, тело подошло к плите и поставило чайник на огонь.

Это что-то новое. Чай он не любил, хотя и подавал, конечно: вкусы у приезжих самые разные и многие чудачки предпочитают божественному соку горьковатый настой заморских трав. Сам Феддервел чай пил только, если его вынуждали обстоятельства. Скажем, если приглашали посетители заведения. Трактирщик должен исполнять любое желание посетителя, если оно оборачивается звоном монет на стойке. В этом виде чутья трактирщикам нет равных. Разумеется, подлинным трактирщикам, а не бесталанным содержателям всяких подозрительных притонов.

...И вот Феддервел наблюдал, со всё возрастающим изумлением, как ополаскивает чистый фарфоровый чайник кипятком, как насыпает в него две ложечки источающего терпкий аромат черного чая, как укутывает всё это особым полотенцем...

Жестянка вновь попалась ему на глаза. Он открыл её и удивился ещё раз.

* * *

...Её привёз, скорее всего, ещё дед – а может быть, и прадед. В жестянке, сохранившись неизвестно как, лежала смесь высушенных лепестков каких-то неведомых Феддервелу трав. Хотя не так уж и неведомых. Вот эти светлые, принадлежат, кажется... жасмину, что ли? Такого здесь не растёт. Прочие же – а было их немало – принадлежали не менее диковинным цветам. Да и какая разница? Отец ещё говорил, что, добавив щепоть этой смеси в чай, превратишь его в напиток богов – едва ли не средство от всех невзгод, включая душевные.

На взгляд Феддервела, дрянь оставалась дрянью, вне зависимости от того, что туда добавлялось.

Но, вновь действуя, словно во сне, он взял осторожно щепоть драгоценных некогда лепестков (а пахнут-то приятно!) и бросил в горячие глубины чайника.

Вновь укутал сосуд и уселся рядом. Как-то совершенно забыв про томящийся в ожидании кувшинчик.

Тёмные мысли бродили в голове у трактирщика, пока звук, прекрасный, как звуки флейты бога-покровителя его профессии, не коснулся его ушей.

Звук открываемой двери.

Но, как Феддервел ни старался, угрюмое выражение лица не удалось изгнать. Никакими силами.

Вошедший был высоким худощавым человеком. Голову его венчала широкополая шляпа, а более ничего было не разглядеть – против солнца. Да и какое дело хозяину, кто почтил его заведение? Всякий гость – желанный гость. Особенно в такие времена.

Не произнося ни слова, словно смущённый неведомо чем, человек медленно приблизился, не прикасаясь лапами своей накидки ни к одному столу и остановился в нескольких шагах от стойки.

Феддервел готов был дать голову на отсечение, что незнакомец сейчас пристально изучает его, трактирщика, лицо.

* * *

Трактирщик обязан читать намерения своих посетителей. Нет, не совсем так; обязан ощущать, предугадывать их. Как правило, Феддервелу это отлично удавалось. Года этак три назад, когда по тракту ещё ходили караваны с товарами, и его скромное место отдохновения ещё не кануло в неизвестность. Что с тобой? – услышал Феддервел незнакомый прежде испуганный голос. Он доносился откуда-то изнутри, но едва не заставил трактирщика подпрыгнуть. С каким это пор ты начал выражаться поэтически? Очнись, дурень, у тебя посетитель!..

Пришлось очнуться.

Но посетитель по-прежнему сидел так, что оставался видным только его силуэт и ни единым движением, ни малейшим напряжением мысли не давал повода предположить, что ему, собственно, нужно.

Обычно в таких случаях наливают стаканчик вина. Не слишком дорогого, не чрезмерно крепкого. Для начала, как говорится.

Феддервел, по-прежнему пребывая в коком-то полусне, вернулся к плите и, всё ещё думая о своей нелёгкой доле, налил полную чашку свежесваренного чая. Запах и цвет напитка, прежде вызывавшие не отвращение, но... некую неприязнь, теперь казались приятными. Нечего, подумал он, вновь мстительно. Нечего вино переводить. Закажет вино – получит. А до тех пор... И, не позволяя себе увлечься размышлениями, вернулся с чашкой чая к стойке.

Молча поставил её перед посетителем.

Тот словно ничего и не заметил.

Ну и ладно, подумал трактирщик и, бросив короткий взгляд на кувшинчик, взял ещё одну чашку. Для себя. Раз уж день пошёл козе под хвост, напьюсь чая. Интересно, а чаем можно напиться до беспамятства?..

Мысль эта настолько захватила его, что он и не заметил, как вернулся с чашкой к стойке. Поставил её рядом с чашкой для посетителя и некоторое время смотрел в напоенные цветочным ароматом янтарные глубины.

Осторожно поднёс чашку к губам и отхлебнул.

Горячо, но... приятно, разрази меня молния! Или этот чай становится непередаваемо гнусным, только когда остынет? Впрочем, ладно. Голова постепенно прояснялась.

Краем глаза он заметил, что гость его, по-прежнему оставаясь тенью самого себя, поднёс чашку к губам.

То-то же, подумал Феддервел с удовольствием. Чай или не чай, а гадости здесь не подают. Ну... скажем так, не подают тем, кто в ней остро не нуждается.

Тут он заметил, в какую чашку налил чай гостю. В выщербленную, старенькую, с разрушающейся ручкой и, кажется, небольшой трещиной.

И себе – в изящную, тонкую, с золотыми колечками по ободку.

И тут Феддервелу стало стыдно. Впервые за много лет. В кои-то годы появился посетитель, что не одаривает его заведение снисходительным и насмешливым взглядом. А он... Короче, янтарный божественный напиток показался ему мерзкими помоями, и вся ничтожность этого утра явилась во всей былой неприглядности. Дожился, Феддервел. Шутки шутками, но такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.